

С первых же работ А. Джигарханяна заявил о себе как о личности самобытной, талантливой, яркой, темпераментной. Сейчас он на гребне успеха, в центре внимания прессы и зрителей...

— Армен Борисович, снимаясь в той или иной картине, вы можете знать заранее о конечном результате работы? Можно ли запрограммировать удачу?

— В моей жизни бывало, когда программировалась удача и все делалось для того, чтобы она случилась, но... Но бывало, я шел на картину без больших надежд, а оказывалось интересно. И я сделал вывод: в искусстве, если это настоящее искусство, все происходит конкретно, индивидуально. А раз так, то выработать какие-то железные принципы и их придерживаться просто опасно.

— Работая на съемочной площадке и выстраивая рисунок роли, вы опираетесь на свою внутреннюю интуицию или осуществляете концепцию режиссера?

— По-разному. Когда встречаюсь с интересным, думающим режиссером, то я, конечно, на какое-то время притихаю, стараюсь понять, чего он от меня хочет. Потом это «присваиваю» и стараюсь полностью вжиться в предлагаемые обстоятельства. Но бывает, что предложенное режиссером в корне меняет мою позицию. Это вещь сложная — в каждой роли я словно должен учиться заново ходить.

— И все-таки вы всегда узнаваемы...

— А иначе невозможно. Потому что это я. Это мой голос, мои нервы, моя жизнь. И почему актер должен быть неузнаваемым? Это неверно.

— А верно ли переносить жизнь на экран во всей правдивости подробностей, деталей, частностей характера?

— Когда я смотрю фильм, спектакль, читаю книгу, спрашиваю себя: такие люди в жизни есть или нет? Почему у как зритель начинаю терять интерес к происходящему на экране? Потому что нарушаются предлагаемые обстоятельства. Например, если на моих глазах герой умывается, слегка сбрызнув лицо водой, а потом, дабы не смыть грим, аккуратно прикладывает к лицу полотенце, то я как зритель сознательно или подсознательно теряю к нему интерес — в жизни так не умываются. Однажды мне сказали: «Очень нравится одна ваша роль, к сожалению, забыл название фильма, ну там, где у вас еще искусственные волосы». Он сказал: «искусственные», значит, было видно, значит, там я был живой. Это плохо.

— Вы сами предлагаете себя кинорежиссеру на ту роль, которую вам очень бы хотелось сыграть?

— Нет. Пока нет. Не потому, что стесняюсь, а потому, что это должно быть взаимно. Режиссер должен сам видеть исполнителя роли.

— А как с завистью к творческим удачам коллег?

— Бывает. Когда вижу хорошую игру того или иного актера, я наслаждаюсь как зритель. А вот как актер чувствую, как что-то просыпается вну-

ДУХ СОПЕРНИЧЕСТВА НАМ СЛАДОК И ПРИЯТЕН

три, накатывает, и всегда думаю, что сыграл бы лучше. Вы удивляетесь? Если этого не будет, я буду считать, что как артист уже умер. Дух соперничества должен существовать в искусстве.

— Армен Борисович, когда вы соглашаетесь на определенную роль, имеет ли для вас значение: отрицательный или положительный ваш герой?

— Должны быть интересны многослойность характера, страсть, убежденность, сила моего героя. Я никогда не стремился перевернуть мир — он не переворачивается. Кто-то сказал гениальные слова: «Миром движет не любовь, а необходимость». Так вот, для меня играть какие бы то ни было характеры и есть та самая необходимость.

— Что значит для вас партнеры?

— Партнерство — это главное в кино и театре. Как говорят старые мастера: «Ты выучи текст партнера». Случается, что актер рядом не чувствует тебя, смотрит пустыми глазами, тогда играть очень тяжело. Хороший партнер должен быть не удобным, а живым. Хороший партнер тот, который задает тебе загадки, водит тебя «за нос» — это интересно.

— А если не идет роль, тогда компенсируете техникой, профессионализмом?

— Нет. Техника помогает точнее выразить, но не все. Глубину создаваемого образа ищи во внутреннем состоянии. Для этого актер должен постоянно себя беспокоить. Вообще же об актере как о личности можно судить только после 30 лет. До этого он просто типаж: худой, толстый, красивый, смешной. А вот после тридцати человек уже что-то приобрел в жизни, испытал удары судьбы. Знаю сотню случаев, когда маленький «удар молотком по голсу» подтверждает, что это не художническая натура.

— Кинематограф открыл вас? Были бы ущемлены, работая только в театре?

— Не знаю. Хотя в театре я более счастливый, чем в кино. В кинематографе больших авторов играл мало. Но кино, чем больше живу, тем больше люблю. Процесс кино — самый трудный, но самый сладостный.

— Однако существует мнение, что современное кино переживает период кризиса.

— Это сложный вопрос, этим надо заниматься всерьез. Наверное, определенная «пробка» существует. В нашем обществе, кроме материальных перемен, экономических, философских, произошли перемены в психологии человека. И чтобы соответствовать этой психологии, навер-

ное, нужно время. Я считаю, что любое искусство при новой формации переживает трудные времена. Сейчас наступил такой период, когда новые идеи надо привнести в жизнь. Но мы иногда, я имею в виду искусство, жертвуем художественным качеством во имя некоей абстрактной идеи. Этот процесс свойствен искусству. Какие интересные картины о Великой Отечественной войне появляются сейчас, когда происходит осмысление тех далеких событий! Для меня ярким примером является «Коммунист» Ю. Райзмана. Ведь нужно было, чтобы прошло сорок лет, и лишь потом появилось одно из самых выдающихся произведений о революции. Это не случайно. Должно прийти новое поколение, способное посмотреть на события чуть отстраненно.

— В каких новых работах мы увидим вас в ближайшем будущем?

— В Театре им. Вл. Маяковского я сейчас репетирую Нерона в «Театре времен Нерона и Сенеки». В кино — «Мамаша Кураж» Б. Брехта, которую ставит С. Колосов, и на «Ленфильме» — в 13-серийной ленте по пьесе М. Горького «Жизнь Клима Самгина» режиссера В. Титова.

— А какое чувство испытываете от его величества?

— Восторг!..

Интервью взяла
С. ПЧЕЛКИНА.
Фото В. Кузнецова.